

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СПИРИТУАЛИЗМА КАК РЕЛИГИОЗНОГО ДВИЖЕНИЯ

В докладе обсуждаются две концептуальные проблемы современного исторического изучения спиритуализма – его генезис как религиозного движения и соотношение понятий «спиритизм», «спиритуализм» и «оккультизм».

Спиритуализм обычно позиционируют как возникший на пересечении «месмеризма» и «сведенборгианства», от которых он заимствует средство получения «трансцендентной» информации (практика гипноза) и некоторые идеологические варианты ее содержания (прежде всего, космология). Хотя такое «позиционирование» спиритуализма в европейском интеллектуальном поле, возможно, ни Месмера ни Сведенборга нельзя назвать «предшественниками» спиритуализма.

Во-первых, многие спиритуалисты относились к творчеству Сведенборга с недоверием. Сведенборг считался слишком догматичным для спиритуализма, в его учении содержались некоторые неприемлемые для спиритуалистов идеи, например, учение об «аде», кому-то он казался слишком отошедшим от христианской традиции. Во-вторых, упоминания Сведенборга в сочинениях А. Кагане и А. Дэвиса следует рассматривать как способ легитимации их деятельности со стороны сложившегося интеллектуального авторитета, а не как свидетельство реальной «идеологической» преемственности.

Открытие Месмером «животного магнетизма» в принципе сложно вписать в историю практик, предшествовавших спиритуализму. Во-первых, хорошо известны материалистические установки Месмера, кроме того его практика не была нагружена религиозным содержанием. Во-

вторых, хотя практика гипноза использовалась для получения информации из мира духов посредством сомнамбул, общение именно с умершими было до времени распространения спиритизма относительно редким. В-третьих, некоторые спиритуалисты различали эти практики – собственно «магнетизирование» и общение с духами, считая, что первая связана с особыми способностями человеческой психики или неизвестными законами природы, в то время как вторая является результатом действия духов и потому не может быть объяснена ограниченным человеческим разумом.

Истоки воззрений спиритуалистов продуктивно искать не столько в интеллектуальных текстах Сведенборга и Месмера, предназначенных для образованного класса, но в народной религиозности, например, в идеологии экстатических «сект», практиковавших непосредственный контакт со «священным». Обозначение Месмера и Сведенборга как предшественников спиритуализма – это выстраивание политической преемственности с выбором отдельной составляющей спиритуализма в качестве «сущностной» при преуменьшении иных его составляющих. Наиболее существенной является христианская составляющая, связывающая, например, истоки спиритуализма в России с отечественным народным православием.

Понятия «спиритизм» и «спиритуализм» вводились носителями традициями как своеобразные политические маркеры, устанавливающие определенное соотношение между ними. В большинстве случаев «спиритизм» в рамках академической традиции рассматривается как разновидность «спиритуализма», причем под «спиритуализмом» понимается общая установка на общение с духами, а под «спиритизмом» – конкретная доктрина, особым образом реализующая эту установку.

С феноменологической точки зрения почти все группы спиритуалистов, так или иначе, вплоть до отдельных частных кружков, претендовали на «универсальность» знания, открывающегося в непосредственном общении с загробным миром. Вопрос о «догматичности» той или иной доктри-

ны, хотя и использовался в полемике между ними, имел политическую природу. Отдельные англо-американские спиритуалисты были идеологически более «догматичными» чем последователи А. Кардека, создавая коммуны, ожидающие скорого конца света.

Заимствование академической историографией англо-американского видения истории спиритуализма можно объяснить тем, что и спиритуализм в целом и академическая традиция исходят из одних и тех же посылок в определении феномена религии. Академическая традиция в противопоставлении абстрактных и конкретных религиозных форм восходит к влиятельным сочинениям Давида Юма и, в конечном счете, к специфически протестантскому взгляду на природу сакрального, утверждающего возможность его постижения через непосредственный опыт и текст, сводящие к минимуму значение любых посредников, прежде всего, церковной традиции.

В большинстве современных академических публикаций «спиритизм» предстает как разновидность «окультизма». Хотя вызовом духов занимались известные алхимики XVI века, автоматическое отнесение спиритизма к оккультной традиции не всегда находит поддержку в сочинениях самих спиритуалистов.

Окультизм, безусловно, можно определять различным образом, но, по-видимому, главным его свойством является тайный характер. Однако спиритуалисты никогда не позиционировали свое знание как «тайное», стремились к открытой пропаганде, подчеркивали его надконфессиональный характер, спиритуализм в целом был движением демократичным. Спиритуалисты с оккультными интересами действительно существовали, однако, вряд ли уместно их творчество рассматривать как парадигму для всего спиритического сообщества, спиритуалисты с христианскими идеалами, посещающие церковь и соблюдающие традиционные практики, были не менее влиятельны в западных странах и тем более в России.

Второй момент, который подчеркивают, когда говорят об оккультизме – техническая доступность «знания». Спиритуалисты утверждали, что знание о духовном мире в принципе доступно при помощи рационально-эмпирического исследования, однако, при этом многие из них настаивали на необходимости принимать во внимание фактор веры. Для многих спиритуалистов именно вера лежала в основании спиритической доктрины, она была необходимым условием для успешных опытов.

Такахаси С.

СЛОВА «РЕЛИГИЯ», «RELIGION» И «SHŪKYŌ[宗教]» В ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИИ

В Японии европейское понятие «религия» сегодня переводится через иероглиф 宗教 (Shūkyō), это тот же иероглиф, что и в Китае «zongjiao», понимаясь как «общие ценности, верования, способы успокоения путем соблюдения и следования учению богов и Будды» (1, с. 478; 6, с. 979). Современное слово «Shūkyō» как перевод с английского «Religion» впервые появилось в торговом договоре Ансэй между Японией и США в 1858 г., однако тогда слово «Religion» переводилось несколькими словами: «Shūkyō», «Shūshi» или «Shūhō». Термин «Shūkyō» внедрился как нормативный перевод «Religion» лишь после 1873 г., крайне редко встречаясь в японских текстах до этого. Строго говоря, до внедрения термин «Shūkyō», фактические представления о том, что европейцы называют «религией» были двоякими: первые сосредотачивались на практиках, обычаях и прочих внелингвистических формах поведения («Shūshi», «Shūmon» и пр.), а вторые — на книжных и концептуальных системах убеждения («Kyōhō», «Seidō» и пр.). При этом слово «Shūkyō» принадлежало ко второй группе, став заимствованием из буддийских источников и обозначая «истинное